

Гр. Л. Н. Толстой

В первый раз я увидел нашего гениального беллетриста в Москве, где получил от него самое радушное приглашение посетить пресловутую Ясную Поляну - этот рассадник не менее пресловутых "народных школ".

Маленькие серые глазки на широкой мускулистой физиономии графа произвели на меня неприятное впечатление, немедленно вызвавшее как резкий контраст в высшей степени симпатичное лицо И.С. Тургенева, о котором однажды И.И. Панаев выразился так: "Если Тургенева поставить на подоконник против солнца, то он будет светиться насквозь"*.

** Считаю нелишним заметить, что Панаев, некогда владевший "Современником", вследствие какого-то фатума вручил его Некрасову.*

В Ясной Поляне, окруженной казенной засекой и потонувшей в зелени, мы с графом вели нескончаемые беседы о литературе, задачах искусства и о том, наконец, что человечество обладает только произвольными движениями, подобно обезглавленной лягушке, подвергнутой действию гальванического тока. Эту идею граф и провел в своем прелестном романе "Война и мир", но, как говорится, задним числом, так как русская читающая публика давным-давно уже успела познакомиться с известной брошюрой нашего знаменитого физиолога Сеченова под заглавием "Центры, задерживающие рефлекс, и произвольные движения".

Между прочим, Л.Н. сообщил мне весьма любопытный отзыв О столицах и деревенской жизни.

- Боже мой, Боже мой! - говорил граф, сжимая руки. - Из этих центров мнимой цивилизации, наполненных всевозможными бездарностями и шалопаями, не чаешь, как и выдраться... Когда я приезжаю из Петербурга или из Москвы в Ясную Поляну, то первым долгом спрашиваю своего скотника: "Что буренка? Отелилась?" - "Так точно, ваше сиятельство... Бычок-с... вылитый в мать". Я иду на скотный двор и долго, долго люблюсь теленком, чтобы изгладить столичные впечатления...

- Николай Васильевич, - однажды обратился ко мне граф, - не подарите ли вы нашему детскому журналу какой-нибудь рассказец?.. Вы так глубоко изучили народный быт и так мастерски владеете народным языком... Вы меня этим очень обязали бы...

Когда рассказ был написан и просмотрен графом, он спросил меня:

- Сколько же вы возьмете за этот чудесный рассказ?

- Помилуйте, это такие пустяки...

- Нет, я назначил вам шестьдесят рублей.

- Это ужасно много, Лев Николаевич.

- Нет, нет, пожалуйста, не отказывайтесь...

- Извольте, - сказал я, - только и вы в свою очередь не откажитесь и от моего предложения: продайте мне вашего забракованного коня, которому кличка Сумасшедший.

- Да помилуйте, Успенский, он вас лишит жизни...

- Вот это-то мне в нем и нравится.

- Ну что ж! Я отдаю его вам в качестве литературного гонорара, лишь бы только он вам не сломил шею...

И я за ничтожный рассказ из народного быта воспользовался конем, у которого была "дугою шея, хвост трубой"...

- Почитайте-ко от скуки сочинения моих учеников, - предложил мне граф в один осенний вечер, -- и скажите ваше мнение...

Передо мной очутилась кипа детских тетрадей, из которых в одной я вычитал следующее:

"Однажды Лев Николаевич вызвал Савоскина к доске и приказал ему решить задачу из арифметики: "Если я тебе дам пять калачей, и ты один из них съел, то сколько у тебя осталось калачей?.." Савоскин никак не мог решить этой задачи, и граф за это выдрал его за виски..."

Нимало не сомневаясь в справедливости сообщения ученика гр. Толстого и до глубины души возмущенный этим поступком великого художника, я, не медля ни минуты, сел верхом на вырученного мною коня и отправился в Тулу к брату Льва Николаевича, которому и передал новость...

- Это невообразимо!.. Это чудовищно... Недаром мне опротивела Ясная Поляна с тех пор, как завелись в ней народные школы, - говорил Сергей Николаевич, расхаживая по комнате...

- Поедемте сейчас к Ауэрбах и вы повторите ваш рассказ о деревенском мальчишке.

Поздно вечером я вернулся в Ясную Поляну.